

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В СТРУКТУРЕ РОМАНА МИХАИЛА БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

В творческом наследии Михаила Булгакова роман «Белая гвардия» занимает особое место, о чём свидетельствует сам автор: «Роман этот я люблю больше всех моих вещей» [1, 12]. Такая оценка не случайна и по фактической основе, которая во многом автобиографичная, и по состоянию, в котором писался роман.

Как известно из источника [2], семья Турбиных – это в значительной степени семья Булгаковых. Сама фамилия этой семьи – девичья фамилия бабушки Булгакова со стороны матери. Так же, как и в романе, в 1922 году писатель пережил смерть матери и приступил к написанию своего произведения. Прототипами героев «Белой гвардии» стали киевские друзья и знакомые Булгакова. Так, поручик Виктор Викторович Мышлаевский списан с друга детства Николая Николаевича Сынгаевского. Прототипом поручика Шервинского послужил еще один друг юности Булгакова – Юрий Леонидович Гладыревский, певец-любитель (это качество перешло и персонажу), служивший в войсках гетмана Павла Петровича Скоропадского. Елена Тальберг (Турбина) в отрывке из ранней редакции романа названа Варварой Афанасьевной, как и сестра Булгакова, которая стала её прототипом. Капитан Тальберг, ее муж, был во многом списан с мужа Варвары Афанасьевны Булгаковой. Леонида Сергеевича Карума, немца по происхождению, кадрового офицера, служившего вначале Скоропадскому, а потом большевикам, у которых он преподавал в стрелковой школе. Так что главные действующие лица в романе близки автору.

Мариэтта Чудакова, известный булгаковед, утверждает, что состояние, в котором писался роман, со временем стало для него принципиально важным, идущим, однако, вразрез с призывами окружающего литературно-общественного фона «отказаться от прошлого». «Помнится, – писал Булгаков, – мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную дрему в постели,

и книги, и мороз, и страшного человека в оспе, мои сны». (Цит. по: [1, 13].)

Всё это, продолжает исследователь, переплетение корневых мотивов «Белой гвардии»: атмосфера дома Турбиных, где «пышут жаром разрисованные изразцы», где бьют в столовой черные стенные часы «башенным боем», где «уж одиннадцать часов, а всё спится и спится Николке»; где «спит Турбин, бледный, с намокшей в тепле прядью волос»; «игольчатый мороз», царящий за окнами учебного дома, который предвещает скорую гибель людей. «Мои сны» – они переданы в романе главным образом Алексею Турбину, став важным способом воплощения художественной мысли автора» [1, 13].

Итак, состояние, в котором находился автор во время работы над романом, адекватно представлено в самом произведении и составляет его истинный ценностный смысл не только для главных героев «Белой гвардии», не только для самого автора как отдельной личности, но и для всего народа. К такому выводу мы пришли в процессе нашей предыдущей работы над этим романом [3, 31–33]. Ключевыми символами-концептами, помогающими понять смысл этого произведения, являются *дом, семья, покой, свет, Божий дух*, которые соотносятся, по мнению В. А. Масловой, с базовыми концептами русской культуры и русского миропонимания [4].

Если в статье [3] мы сосредоточили внимание на когнитивной составляющей ключевых концептов «Белой гвардии», то в данном исследовании мы обратились к авторской модальности и несобственно-прямой речи как способу представления образа автора в художественном тексте.

Модальность текста, по определению Н. С. Валгиной [5, 96–97], или *авторская модальность*, это выражение в нём отношения автора к сообщаемому посредством его концепции, точки зрения, позиции, его

ценностных ориентаций, эмоциональных оценок, которое сформулировано ради сообщения их читателю. Отсюда вытекают следующие составляющие структуры текста, обязательные в процессе его образования и восприятия: автор – читатель – сообщаемое – отношение автора к сообщаемому. В этой цепочке нас интересует авторская модальность и образ автора, представленные в структуре художественного текста «Белая гвардия» посредством несобственно-прямой речи.

Название одной из разновидностей чужой речи – несобственно-прямая речь – наряду с прямой и косвенной речью как синтаксического объекта имеет сложный лексемный характер. Во всех лингвистических научных и учебных источниках её характеристика весьма лаконична (ср., например, [6] и [7]). Добавим к этому, что на сегодня явно недостаточно исследований, посвященных несобственно-прямой речи в структуре художественных текстов.

Для понимания природы этой третьей разновидности чужой речи представляет интерес, на наш взгляд, и вопрос об орфографии этого сложного наименования. Первоначальное его написание было раздельным, т. е. имело характер синтаксического наименования, о чём свидетельствует название статьи И. И. Ковтуновой «Несобственно прямая речь в современном русском литературном языке», опубликованной в 1953 году [8]. Раздельное написание слов в подобного рода названиях подтверждает самостоятельность семантики прилагательного и наречия, что возможно только в структуре словосочетания. Однако в русском языке не образуются адъективные словосочетания с наречиями образа действия, определяющие качественный признак. Поэтому после реформы русского правописания 1956 года утвердился дефисный вариант орфографии этого лингвистического термина, с помощью которого обозначаются два неоднородных признака определяемого, более точно характеризующих сложную природу этой разновидности чужой речи.

В некоторых источниках наряду с широко распространенным наименованием исследуемой разновидности чужой речи используется его менее известный вариант – несобственно-авторская речь, например: Л. А. Соколова «Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория» [9] или «Несобственно-прямая, или несобственно-авторская речь» [7, 251], которые, судя по употреблению, воспринимаются авторами как тождественные. Однако нам думается, что суть данной разновидности чужой речи наиболее полно может быть передана только обоими наименованиями, поскольку такая речь, по существу, принадлежит не действующим лицам, а автору конкретного произведения, которая оформлена не как прямая речь, а отличным от нее способом. Это и позволило специалистам, исследующим художественный текст, называть такую разновидность чужой речи несобственно-авторской, а синтаксистам определять её как несобственно-прямую речь.

Природа несобственно-авторской речи, как мы уже отметили, исследована ещё явно недостаточно, поэтому возникает много вопросов и в связи с её признаками, и со способами представления в тексте, и с формами воплощения и т. п. Тем не менее очевидным для нас является следующий вывод: несобственно-прямая речь – это не синтаксическое понятие, а текстовое, поэтому его необходимо рассматривать в теории текста в связи с одним из способов выражения авторской модальности.

При этом следует понимать, что несобственно-авторская речь оформляется не как прямая речь.

Наш вывод не противоречит аргументированному определению несобственно-прямой речи как качественно новому образованию, по И. И. Ковтуновой, по сравнению с прямой и авторской речью, в силу чего «она становится одним из организующих средств той “субъективной многоплановости повествования”, которую отмечает акад. В. В. Виноградов в стиле Пушкина в качестве огромного достижения писательского мастерства» [8, 20]. Отсюда вытекает еще один вывод: несобственно-авторская речь – это художественный приём повествования, при котором автор не должен сливаться со своими героями и с повествователем (при этом мы, вслед за Н. С. Валгиной, исходим из того, что повествователь и образ автора – это не одно и то же [5, 97]), и его речь оформляется как несобственно-прямая речь.

Наиболее очевидна несобственно-авторская речь в объективном повествовательном контексте, который буквально «взрывается», как правило, языковыми единицами, выражающими наиболее глубокие личностные эмоциональные реакции с помощью восклицательных предложений и таких вопросительных, которые не требуют ответа, и, конечно, междометий. Показательно в этом отношении начало первой части, где говорится о смерти и похоронах матери Турбиных накануне нового, 1919, года.

Велик был год и страшен по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилён летом солнцем, а зимою снегом...

Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь. О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем! Мама, светлая королева, где же ты?

Алексей, Елена, Тальберг, И Анюта, выросшая в доме Турбиной, и Николка, оглушенный смертью... стояли у ног старого коричневого святителя Николы. Николкины голубые глаза... смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облепление?

Улетающий в черное, потрескавшееся небо бог ответа не давал, а сам Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему.

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... эх... [10, 36].

Наиболее важные, концептуально-авторские замечания приобретают форму жизненно значимых истин, составляя содержание несобственно-авторской речи с формой глаголов настоящего исторического времени, которая отделяется от объективного повествования, включающего в себя глаголы в форме прошедшего времени. Ср.:

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и крошечного Николку. Как часто читался у пылушей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей... В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные с башен-

ным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырьчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли... умер отец-профессор, все выросли, в часы остались прежними и были башенным боем. К ним все так привыкли, что если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала, в самое тяжкое время живительный и жаркий [10, 37].

Смену времен и наклонений глаголов И. И. Ковтунова предлагает считать главными признаками несобственно-авторской речи [8, 21], что подтвердил проанализированный нами материал романа М. Булгакова «Белая гвардия». Приведем аналогичный пример, но со сменой глаголов настоящего и прошедшего времени в повествовании будущим в несобственно-авторской речи:

На севере воеет и воеет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

– Живите.

А им придется мучиться и умирать [10, 38].

Несобственно-авторская речь может включаться в общее повествование в форме вопросительных предложений, придавая ему динамизм посредством выстраиваемого диалога автора с главными героями, например:

...всё это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабей, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

– Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить? (Обращаем внимание на высочайший эмоциональный накал этих предложений, представляющих собой, по сути, крик души автора.) Или еще пример:

...Николка положил гитару и быстро встал, за ним, кряхтя, поднялся Алексей.

В гостиной-приемной совершенно темно. Николка наткнулся на стул. В окнах настоящая опера «Ночь

перед Рождеством» – снег и огонечки. Дрожат и мерцают. Николка прильнул к окну. Из глаз исчез зной и училище, в глазах – напряжённейший слух. Где? Пожал унтер-офицерскими плечами.

– Чёрт его знает. Впечатление такое, что будто под Святоиным стреляют. Странно, не может быть так близко.

Алексей во тьме, а Елена ближе к окошку, и видно, что глаза ее черно-испуганны. **Что же значит, что Тальберга до сих пор нет?** Старший чувствует ее волнение и поэтому не говорит ни слова, хоть сказать ему и очень хочется. **В Святошине. Сомнений в этом никаких не может быть. Стреляют, 12 верст от города, не дальше. Что за штука?**

Николка взялся за шпингалет, другой рукой прижал стекло, будто хочет выдавить его и вылезть, и нос расплылся.

– Хочется мне туда поехать. Узнать, в чем дело...

– Ну да, тебя там не хватало...

Елена говорит в тревоге. **Вот несчастье. Муж должен был вернуться самое позднее, слышите ли – самое позднее, сегодня в три часа, а сейчас уже десять.**

Приведенные примеры диалогической и полилогической речи с использованием несобственно-авторской речи позволяют говорить о такой характерной особенности романа М. Булгакова, как созвучие, которое отчетливо обнаруживается при описании наиболее напряженных ситуаций ожидания, неопределенности, в которых автор присутствует в контексте несобственно-авторской речи, выражая свое отношение к происходящему и помогая понять глубинный смысл произведения.

Представленный материал исследования несобственно-авторской речи в структуре романа «Белая гвардия» – это лишь первые шаги в данном направлении, определяющим, без сомнения, и специфику данного произведения, и авторскую манеру письма Михаила Булгакова.

Несобственно-авторская речь, по словам И. И. Ковтуновой, одна из «гайн» писательского мастерства: она позволяет проводить тенденцию автора скрыто, часто незаметно для читателя, воплощая ее в образы, что соответствует требованию любого произведения искусства [8, 27].

Литература

1. Чудакова, М. Судьба Михаила Булгакова и его сочинения: вступ. ст. // М. Булгаков. Избр. произ.: в 2 т. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – Т. 1. – С. 3–34.
2. http://traktat.com/language/book/sposob/np_re.php. – Дата вхождения: 9.04.2011.
3. Боженко, Л. Н. Система символов и их когнитивно-лингвистическая интерпретация как способ постижения смысла романа М. Булгакова «Белая гвардия» / Л. Н. Боженко, М. Н. Коледа // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы III Междунар. науч. конф., Мозырь, 12–13 мая 2005 г.: в 2 ч. / УО МГПУ, отв. ред.: С. Б. Кураш, О. И. Ревуцкий, В. Ф. Русецкий. – Мозырь, 2005. – Ч. 1. – 156 с.
4. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 214 с.
5. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка: учеб. для вузов / Н. С. Валгина. – Изд. 2-е. – М.: Высш. шк., 1978. – 439 с.
6. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П. А. Лекант [и др.]; под ред. П. А. Леканта. – 3-е изд., стереот. – М.: Дрофа, 2002. – 560 с.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
8. Ковтунова, И. И. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке / И. И. Ковтунова // Русский язык в школе. – 1953. – № 2. – С. 18–27.
9. Соколова, Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория / Л. А. Соколова. – Томск, 1968. – 67 с.
10. Булгаков, М. Белая гвардия // Изб. произ.: в 2 т. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – Т. 1.